

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Элеонора Тихоновна БОНДАРЕВА,
журналистка

Участь попавшего в распев авторского стихотворения зависит некоторым образом от произвола личности исполнителя: как мы только не переиначиваем на свой лад понравившиеся нам строки, чтобы приблизить их к особенностям своего восприятия! Или и того проще: забыли или плохо расслышали при чтении или пении часть куплета — и тут же нашими молитвами образовалась замена, иногда нелепая, но тем не менее распространившаяся в окружении певца. В глубине Дальнереченского района древняя бабуся объяснила мне значение местной фразы в авторском тексте о Колчаке: «Лезет «толпой набышчей» — это значит упрямой, напористой». А чего стоит фраза «и враг продрался за Совет» вместо литературной «и храбро дрался за Совет» в одной из патриотических песен.

Нынче фольклор выходит из активного обихода. Все жанры, в том числе и песенные. Хотим мы этого или нет, но цивилизация развивается по своим жестким законам и подавляет народное творчество, в наиболее мягком случае деля его немодным, архаичным, непрестижным. Этнографы, изучающие культуру малочисленных народов Дальнего Востока, наблюдают забвение старины повсеместно и теперь уже не пытаются утверждать, что факт обратим. На сегодняшний день местные переселенческие славянские песни начала прошлого века помнит разве что поколение, родившееся в 30—40-е годы прошлого века. Есть надежда, что какой-то фольклорный пласт сумеет удержать на плаву казачество как вдруг возродившаяся часть социального сословия, прочно связанного с традициями предков.

Народные ансамбли не обделяют вниманием песни Великой Отечественной и городской романс начала XX в., но, к сожалению, зачастую превращают старые мелодии путем инструментальной обработки в современные, что вкупе с манерой исполнения безнадежно лишает произведение исходного психологического облика.

На сугубо современном материале в какой-то степени развивается, на взгляд автора, лишь фольклор тюремный и частично студенческий, однако обе разновидности распространены в определенном узком кругу, только изредка выходя за его рамки.

Автора интересуют отредактированные продолжительным хождением в широком массовом репертуаре произведения вековой и более давности.

У исследователей народного песенного творчества для обозначения авторских (и не только авторских) текстов, приспособленных к тому или иному времени или к социальной среде, существует специальный тер-

мин «песня-переделка», который отражает один из самых продуктивных путей развития литературного текста в фольклоре. Под это определение подходят, в частности, тексты, перестроенные на базе стихотворения-песни с зачином. Одна из них — «Среди лесов дремучих», которую с подачи авторов переделок относят то к романсу, то к разбойничьей балладе, то к солдатскому маршу. Персонаж первоисточника, переходя из варианта в вариант, не только сохраняет свой мятежный характер, но и делает политическую карьеру.

В 1846 г. появилась баллада Ф.В. Миллера «Погребение разбойника» (помещена под титром «Вольные песни» в книге «Русские песни и романсы» издания 1989 г.).

В носилках похоронных
Лежит боец лесов,
И шесть вооруженных
Суровых удальцов
Среди лесов дремучих
Безмолвные идут
И на руках могучих
Товарища несут.

Подробно, с натуралистическими длиннотами описывается в стихах бой героя с «врагами» (видимо, имеются в виду правительственные войска). «Ватага», надо полагать, состояла из Робин Гудов, хотя автор на этом не настаивает.

Ремни его колета
Разрублены висят...
Так спит он, охладелый,
Лесов угрюмых сын,
В кругу ватаги смелой,
Средь темных Апеннин.

Действие, как видим, происходит не в России, но читательский успех романтическому иноземному удальцу у нас явно сопутствовал. В 1882 г. в народе уже бытовала песня «Среди лесов дремучих» о разбойнике Чуркине. Василий Чуркин, крестьянин с Барского Орехово-Зуевского уезда, работал на красильной фабрике «Гуслица», за бунтарский нрав был арестован, бежал и целых двадцать лет «разбойничал» (сведения из журнала «Новый мир» № 6, 1927 г.). Произведение о его судьбе с текстом Миллера (первый «похоронный» куплет в фольклоре был отсечен) назвали романсом.

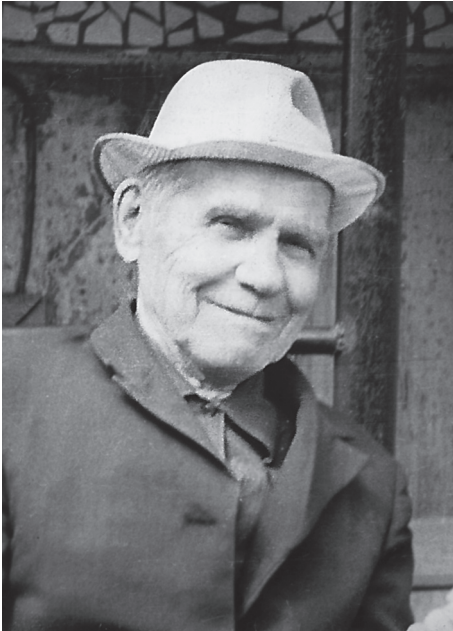
Среди лесов дремучих
Разбойнички идут,
В своих руках могучих
Товарища несут.
Носилки не простые:
Из ружьев сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.
На них лежал сраженный
Сам Чуркин молодой,
Он весь окровавленный,
С разбитой головой.

Несколько куплетов о погребении завершаются в свете деятельности главного персонажа весьма революционно:

— Прощай ты, наш товарищ,
 Лежи, наш дорогой,
 Уж нам теперь не время
 Беседовать с тобой.
 Идем, идем скорее
 Мы снова, братцы, в бой!

Этот текст взят из книги «Русские народные песни» (М.: Госиздат худ. лит., 1957). В ней же имеется вариант песни «Не с лесов дремучих» о «сраженце», «серая шинелька» которого «под ним согнилась». Конь оплакивает погибшего: «Все домой пошли, один ты, брат-хозяин, во турецкой земле лежишь». Песня о разбойнике трансформировалась в воинскую.

Замелькали в сборниках тексты про «станичников», которые вроде бы разбойники, но при этом казаки в «шинельках» первой мировой.

С.П. Козырев, ветеран трех войн: первой мировой, гражданской и Великой Отечественной. 1970-е годы.

невосточных участников этой войны (в частности, — от С.П. Козырева) дошел текст «Не с лесов дремучих», в котором солдаты «германского боя» на носилках из ружей «несут его к вокзалу в холодненький вагон». Он, т.е. раненый, весь в крови и в грязи, «шинель его, фуражка изодраны лежат», а однополчанам, потенциальным жертвам несправедливой войны, предстояло возвращаться в окопы, однако «гоните-не гоните» — готовность обернуть штыки против своих офицеров уже назрела.

В окрестностях столиц в ходе гражданской войны на мотив «Среди лесов дремучих» возник текст «Мы — красные солдаты» (литературно слабый, но политически актуальный). Припев «Все пушки, пушки грохотали» в дальнейшем породил варианты, в частности, интересный куплет-переделку на Дальнем Востоке. Вот как выглядит одна из партизанских переделок:

— Среди лесов дремучих
 Станичники идут,
 В своих руках могучих
 Товарища несут.
 Носилки их простые
 Из ружьев сложены,
 А поперек стальные
 Мечи положены.
 Все тучки, тучки повисли,
 Над полем пал туман.
 Скажи, о чем задумал,
 Наш красный атаман?

Умирает Ленин, и появляется текст:

— Среди Москвы широкой
Товарищи идут,
В своих руках могучих
Ульянова несут.

Приморский вариант ближе к местным условиям:

— Среди лесов дремучих
Там ленинцы идут,
В своих руках могучих
Ульянова несут.

Тексты о Ленине в дальневосточном фольклоре в поэтическом смысле откровенно слабы. В устном народном творчестве существует песенная «лениниана», приморскую собрал воедино Я.А. Константиновский, напечатавший о ней статью в книге «В.И. Ленин в песнях народов СССР» в 1971 г. Занимаясь проблемами социального становления партизанской песни на Дальнем Востоке, автор данного материала, стремясь придать солидность своей диссертации, тщательно выискивала в певческих репертуарах края песни о Ленине, но тщетно пыталась найти мало-мальски художественно приемлемые. Ленина, несомненно, уважали в Москве, Петербурге и окрестностях, однако, здесь, на далекой окраине, не успели полюбить, отчего и быстро угасли в памяти людской наскоро сочиненные пропагандистские песни-однодневки.

Миллеровский куплет с «носилками» переходит из текста в текст почти без изменения в течение полутора столетий: удачный поэтический образ оказался чуть ли не руководством для применения в действительности.

На сегодняшний день из дворовых и домашних народных хоров ушли все варианты, кроме до предела усеченного миллеровского.

Автор помнит, что в 50—60-е годы прошлого века к нему прибавляли припев:

— Все пушки, пушки грохотали,
Трещал наш пулемет,
Кадеты отступали,
Шли красные вперед.

Припев привезли в Приморье из Белгородской области в начале второй мировой. А там эти строки звучали еще в 30-е годы XX в.

В числе наиболее известных песен-переделок, прошедших продолжительный путь формирования и охвативших исторические этапы, начиная с русско-японской войны 1904—1905 гг., в Приморском крае встречаются «Раскинулось море широко», «На сопках Маньчжурии», «Вот вспыхнуло утро», «Александровский централ» («Солнце всходит и заходит»). Объединяет их переходящий из варианта в вариант образ персонажа-борца за правое дело, им может быть «добрый» разбойник, раненый солдат (партизан) или военнопленный. Герой или погибает, или надеется выйти на свободу (в партизанских вариантах «Александровского централа» изменяется место действия). Песня «Раскинулось море широко» порождает варианты и нынче (автору известны студенческие). Романс Е.А. Буланиной под впечатлением «Чайки» Чехова «Вот вспыхнуло утро», получивший известность в 1901 г., благодаря возродившемуся сегодня интересу к старинному романсу недавно вернулся в репертуар фольклорных ансамблей в слегка отредактированном виде, лишившись всех возникших на основе его воинских вариантов, в поэтическом отношении слабых, но облагороженных тем, что их пели в трех войнах: первой мировой, гражданской, второй мировой — и поэтому оставшихся в памяти потомков

Фольклорная группа (слева направо): М.С. Вовна, Е.А. Волкова, Г.Е. Ефимова — исполнительницы народных песен. Владивосток, 2004 г.

исполнителей тех лет. Воистину неисповедимы пути некоторых литературных произведений к народной душе!

Нередко в фольклорный распев попадает не первоисточник автора, а его стихотворный пересказ. Несомненно, авторы пересказанных стихотворений, как правило, в сборниках не фиксируются, хотя эти варианты порой оказываются во всех отношениях удачнее. Примеров вторичных поэтических текстов, в которых сохранились сюжет и герои текстов им предшествовавших, в народной песенной среде достаточно. Скажем, очень мало похожая на стихотворение В.Г. Богораз-Тана, написанного в 1905 г., песня «Цусима». В романсе «Когда я на почте служил ямщиком» от стихотворения Л.Н. Трефолева «Ямщик», появившегося в 1868 г., сохранилось от первоисточника всего несколько строк. Стихотворение «Черные очи» Е.П. Гребенки (1843) в многочисленных новых текстах превратилось в развариванный «цыганский» романс. Довольно известная песня «Ой, при лужку, при луне», возникшая на основе стихотворения А.Х. Дурова «Казак на родине» (1818), за два века сохранила от первоисточника лишь пару-другую строк да тенденцию к «подмесу» украинизмов к тексту на русском языке. В Приморье, между прочим, автору встречались варианты, где, наоборот, русский подмешивался к местному диалекту украинского.

В качестве примера текста-пересказа можно взять популярную и ныне песню «По Дону гуляет казак молодой». В 1820 г. 16-летний студент Дмитрий Ознобишин издал поэтический сборник, одно из стихотворений в котором называлось «Чудная бандура» (с ударением на первом слоге). В нем бродячий бандурист рассказывает об утонувшей деве-казачке, жених которой вырывает ее, заиграв на «чудной» бандуре:

— Лад первый он тихо и робко берет.
 Хохоchet русалка сквозь пенистых вод
 И молвит: «Златым не касайся струнам,
 Невесту младую назад я отдам.
 Хотели казачку назвать мы сестрой
 За карие очи, за локон златой».

Перед этим девушка рассказала казаку, заметившему ее слезы:

— Когда я ребенком беспечным была,
Смесь, мою руку цыганка взяла.
И, пристально глядя, тряся головой,
Сказала: «Утонешь в день свадебный свой».

Казак восклицает:

— Не верь ей, друг милый!
Я выстрою мост,
Чугунный и длинный, хоть с тысячу верст.
Поедешь к венцу ты — я конников дам:
Вперед будут двадцать и сто по бокам.

Казны, видно, не считал претендент! Ему бы следовало позаботиться не о количестве телохранителей, а о качестве мостостроительных работ, но судьбу не обойдешь.

— Вот двинулся поезд.
Все конники в ряд.
Чугунные плиты гудят и звенят.
Но конь под невестой,
Споткнувшись, упал,
И Дон ее принял в клубящийся вал.

Стихотворение «Чудная бандура» опубликовали в 1836 г. в «Московском наблюдателе», оно было замечено не то поющим читателем, не то композитором. От «русалок» и «бандуры» не осталось и следа, зато чего только не наобещала цыганка спящему в люльке младенцу женского пола!

— Не быть тебе, дева, замужней женой,
Утонешь ты, дева, в день свадьбы своей!
Поедешь венчаться — обрушится мост.

Или: «И рухнет мост».

Приморских вариантов в пределах пересказанного текста Ознобишина — бессчетное множество. В зависимости от состава исполнителей распев шел на голоса, поэтому появились разные, хотя и в чем-то похожие мелодии.

Плиты нового моста в народном тексте не гудели и не звенели, мост рушился разом, в воду падали все, в том числе, надо полагать, и жених, и «стража в семьсот человек». Девушка в одном из вариантов успевала крикнуть возлюбленному: «Цыганка права!» На первый план вышла тема рока, прозвучавшая в предсказании гадалки. Образ цыганки в народном песенном творчестве хорошо разработан и статичен: зловеще черноока, недобра, но всегда говорит правду. В песне-пересказе на текст Я.П. Полонского «Подойди ко мне, старушка» (1856) цыганка тоже перетягивает на себя внимание с плаксивой барышни и ее сложноватого для песенного восприятия жениха: бабка в лохмотьях, превратившись по ходу текста в красотку-вамп с неизменными черными глазами, с удовольствием красочно расписывает обомлевшей девушке ее жениха-злодея и подводит итог с хрестоматийной цыганской жестокостью: «Счастья нету. Гони монету!» Нравятся нам, россиянам, созданные народным воображением кочевницы-колдуньи...

Есть сведения, что Дмитрий Петрович Ознобишин, уже будучи почтенным помещиком, слышал в станицах песню «По Дону гуляет казак молодой» и не без гордости признавал ее своей.

Нечастой, но бытующей разновидностью авторской литературной песни в народном творчестве является соединение двух-трех и даже более текстов и мелодий в одном песенном варианте. У ее истоков лежит манера некоторых народных сочинителей напевать за какой-нибудь

монотонной работой. Результат же иногда бывает поразительным как в текстовом, так и в мелодическом отношении, и фольклор пополняется оригинальной полноценной песней. По принципу «два в одном» соединились в устном народном творчестве песни о трактористе Петре Дьякове. Из книги Т.В. Поповой «О песнях наших дней»: «Широкое распространение получили в конце 20-х и первой половине 30-х годов повествовательно-лирические песни о судьбе сибирского комсомольца-тракториста Петра Дьякова, ставшего жертвой кулацкой расправы. Литературным источником их послужило стихотворение И. Молчанова. Наряду с многочисленными вариантами лирической песни «По дорожке неровной, по тракту ли» в народе получила распространение лирико-драматическая баллада «Колосилась в поле рожь густая» на ту же тему. Слагатели баллады использовали при этом первую и третью часть поэмы Молчанова, изменив ее зачин и более лаконично пересказав текст.

Петр Дьяков, прославленный «огненный тракторист», как следует из материалов тщательно проведенного недавно журналистского расследования, не погиб, кулаков как таковых не было, состоялась всего лишь небольшая хулиганская разборка на уровне местных парней. Но превращенный в символ торжества коллективизации человек по фамилии Дьяков всю свою последующую жизнь вынужден был играть роль песенного героя. Страна гордилась отдавшим за нее жизнь комсомольцем, песни о Дьякове пелись и обрастали вариантами. В 70-е годы XX в. автор записала в Сучане (г. Партизанск) вариацию из двух объединенных песен.

— Колосилась в поле рожь густая,
Шелестели усики овса,
Где-то за деревней замирая,
Девичьи звенели голоса.
Там за переборами тальянки
Песня угасала на ветру.
В эту ночь было не до гулянки
Трактористу знатному Петру.

По неровной дорожке,
По тракту ли,
Все равно нам с тобой по пути.
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати.
Прокати нас до речки, до мостика,
Где шумят серебром тополя (яровые поля),
Запоемте-ка, девушки, песенку
Про коммуноу, про наши поля!

В качестве припева текст «По неровной дорожке» исполнялся в пересказе молчановского варианта целиком или прерывался четверостишием из баллады, за которым следовала логически уместная часть из песни «По неровной дорожке»:

— Стой, Петруха, побалакать надо,
Поквитаться надо за дела!
В эту ночь кулацкая засада
Тракториста во поле ждала.
Им бы только ругаться да лаяться,
Злоба льется из них через край,
Кулачьё до тебя добирается,
Комсомолец, держись, не сдавай!

Куплет о сожжении («Замолчала во поле машина, тракториста с головы до ног кто-то облил теплым керосином, чиркнул спичкой, вспых-

нул огонек») в приморских коллективах не пели. Зато его использовали в песне-переделке времен Великой Отечественной про тракториста Колю, который «поехал в город по бензин» и нарвался на немцев (автору известен вариант из школьного альбома 50-х годов).

Текст «Колосилась в поле» на Юге Приморского края исполнялся на мотив романса «Девушка из маленькой таверны», почему-то жизнерадостный, несмотря на самоубийство героини. В сочетании с раздольной «По неровной дорожке» наша выглядит ярко как в музыкальном отношении, так и в психологическом и работает на задуманное воспитательное значение образа «огненного тракториста», спущенного по правилам социалистического реализма из литературы в жизнь.

Выразительным примером соединения двух текстов в одном может служить украинская песня с зачином «За Сибиром солнце сходэ». Есть в Приморье и песни, образованные из трех самостоятельных («три в одном») — песня с зачином «Проведемте, друзья», представляющая собой причудливое соединение фрагментов старинной студенческой застольной и «жестокое» романса. Объединились в одном произведении не только куплеты из трех текстов, но и три мелодии. В основе этого удивительного сочетания лежит текст «Проведемте, друзья», сочиненный неизвестным автором в 1860 г. в 18 куплетах в жанре студенческой застольной, не случайно «притянувший» к себе другую застольную, в песенном смысле более выигрышную. Вот трехчастное начало этого фольклорного произведения, записанного в 70-е годы XX в. со слов мамы автора Нины Иосифовны Жуковой, в 30-е годы харьковской студентки:

— Проведемте, друзья,
Эту ночь веселей,
Пусть наша семья
Соберется тесней.
Налей, налей
Бокалы полней,
Пусть наша семья
Соберется тесней.
Ах, зачем эта ночь
Так была хороша!
Не болела бы грудь,
Не страдала душа.

Общий смысл песни сводится к утешению рыдающего в церкви покинутого влюбленного: не два века, мол, нам жить, а полвека всего, так зачем же тужить, когда жить весело (с ударением на «о»).

Еще одной разновидностью литературных текстов в фольклоре является распев их на известные в народе мелодии. В сильно сокращенном варианте на мотив попавшей в народный распев в 1880-е годы песни на текст «По диким степям Забайкалья» сравнительно недавно на Дальнем Востоке исполнялись стихи Лермонтова «Воздушный корабль» и «В глубокой теснине Дарьяля», а также текст «От павших твердынь Порт-Артура» (Т.А. Щепкина-Куперник, конец 1905 г.).

В связи с тенденцией превращения литературной песни в фольклорную хочется сказать несколько слов о репертуаре мамы автора Н.И. Жуковой:

Н.И. Жукова

в нем нередко представлены авторские тексты в первозданном виде. Будучи студенткой, она чутко воспринимала различные виды искусства. Приехав в Приморье в 1941 г., она внедрила в семейный хор песни на стихи Пушкина (романс «Буря мглою небо кроет», услышанный от сучанских исполнителей на два мотива), Лермонтова («Воздушный корабль», «В глубокой теснине Дарьяла»), Некрасова («Не ветер бушует над бором»), «Вот моя деревня», «Назови мне такую обитель», «Разбойник Кудеяр»), Есенина («Ты жива еще, моя старушка») и др. К пушкинскому романсу «Под вечер осенью ненастной» в репертуаре Жуковой имелось подобранное по ассоциации со стихотворением поэта другое — текст «Пустыня, мертвая пустыня». На мотив романса «Накинув плащ, с гитарой под полюю» исполнительница поет стихотворение революционного содержания:

— Промчится вихрь с неслыханною силой,
Сиротка-мальчик спросит мать свою:
«Скажи, родная, где отец мой милый,»
А мать ответит: «Пал в святом бою!»

Из следующего куплета выясняется, что отец «был солдатом-коммунаром в великом восемнадцатом году». Мелодия романса, в которой проявляется высокий романтический накал, «притянула» стихотворение не менее «высокого» содержания.

Не исключено, что ко многим приглянувшимся ей стихам Н.И. Жукова сама подбирала мелодию, а затем произведение подхватывал коллектив. Таким образом, этот человек — реальный фольклорист-сочинитель, пожелавший остаться неизвестным. Именно таким путем возникают новые песни на старые мелодии. В отличие от песен-переделок, тексты их не варьировались.

Это веяние распространилось в России в 30-е годы XX в., когда духовная жизнь наполнилась социалистическим содержанием, отрицавшим былой образ жизни, в том числе и его многовековую песенную культуру. Одним из примеров этого может служить новая песня на мотив казачьей «Взвейтесь, соколы, орлами» (в Приморье «Взвейтесь, соколы, орлами» автору не встречалась):

— Вставай, любимая отчизна,
Свобода с нами впереди,
Разрушим строй капитализма,
Коммуну в мире создадим!
Чан Кайши грозит войною,
Комсомолу (пионерам) наплевать:
Встанет он (встанем мы) стальной стеною,
Коль придется воевать.

Эту новую песню на старый мотив пел домашний хор Э.Т. Бондаревой. Наблюдаемые автором процессы, надо полагать, универсальны применительно к судьбе литературных текстов в фольклоре на любом языке. Исходным материалом для автора статьи послужили и его «полевые» собрания, записанные в 70-е годы прошлого столетия от славян-переселенцев, песни семьи Э.Т. Бондаревой и фольклорные сборники.

В еще доступном нам сегодня фольклорном материале просматривается тенденция к эпизации персонажей и событий. Ностальгический взгляд в прошлое, приобретающее со временем в наших глазах стойкий романтический глянец, — явление естественное.

SUMMARY. Journalist E. Bondareva in her article “Folk Song of Literary Origin” tells about the life of such a song in the Far East.